

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ В НАЗИДАНИЕ БУДУЩЕМУ

Т.В. Панфилова

Аннотация. «Культурная революция» обычно ассоциируется с такими кардинальными преобразованиями духовной жизни российского общества, как ликвидация неграмотности, введение обязательного начального, а позже – и среднего образования, перестройка средней и высшей школ, то есть с нововведениями, имевшими место в России после Октябрьской революции 1917 г. Но этим она не исчерпывалась.

Культурная революция – явление многоплановое. В статье выделены три положения, связанные с ролью культурной революции в формировании советского общества:

- во-первых, вопрос о взаимозависимости преобразований в области материальной и духовной культур в ходе культурной революции;
- во-вторых, вопрос о том, как с помощью культурной революции пытались создать единую многонациональную культуру в послереволюционной России;
- в-третьих, культурная революция рассматривается как попытка устранить разрыв между двумя слоями российской культуры: культурой «верхов» и культурой «низов».

Особое внимание в статье уделено месту и роли интеллигенции в культурной революции. Все эти положения не утратили значения и на сегодняшний день, после развала Советского Союза. Они так же актуальны, как и прежде. Противостояние в России двух культур – культуры «верхов» и культуры «низов» – сглаживалась в ходе советской культурной революции. Все эти достижения были отброшены реформами 1990-х гг. XX в. Сегодняшняя Россия нуждается в новой культурной революции.

Ключевые слова. Культурная революция, материальная и духовная культура, национальная культура, единая многонациональная культура, интеллигенция, культура «верхов», культура «низов», современная культура.

«Культурная революция» в сознании современного россиянина обычно ассоциируется с такими кардинальными преобразованиями духовной жизни российского общества, как ликвидация неграмотности, введение обязательного начального, а несколько позже и среднего образования, перестройка средней и высшей школ, то есть с нововведениями, имевшими место в России после Октябрьской революции 1917 года. Такое понимание культурной революции до известной степени оправдано, поскольку упомянутые преобразования действительно имели первостепенное значение как для создания нового общественного строя внутри страны, так и для укрепления её положения на международной арене.

Но можно ли считать такую трактовку культурной революции исчерпывающей? Не слишком ли она односторонняя? Остановившись на упомянутой интерпретации, мы связываем культурную революцию исключительно с областью духовной культуры, внутри которой на передний план по праву выходят сферы образования и науки. А как быть с материальной культурой? Неужели культурная революция касалась только духовной стороны жизни общества, не затрагивая материальной? Больше того, на кого рассчитано воздействие культурной революции: только на неграмотную массу российского населения или на всё российское общество? Если же вспомним, что в состав России испокон веков входило большое количество народов, находившихся на разных стадиях общественного и культурного развития, не может не встать вопрос и о том, как повлияла культурная революция или повлияла ли вообще на межнациональные отношения послереволюционной России.

Раз подобные вопросы возникают, придётся допустить, что культурная революция – явление более многоплановое, чем может показаться на первый взгляд. Предлагаю выделить три положения, связанные с ролью культурной революции в формировании советского общества, три положения, не утратившие, на

мой взгляд, значения и на сегодняшний день, после развала Советского Союза:

– во-первых, вопрос о взаимозависимости преобразований в области материальной и духовной культур в ходе культурной революции;

– во-вторых, вопрос о том, как с помощью культурной революции пытались создать единую многонациональную культуру тогда, в послереволюционной России, и актуальна ли эта задача сейчас, в России «демократической?»;

– в-третьих, рассмотрим культурную революцию как попытку устранить разрыв между двумя слоями российской культуры: культурой «верхов» и культурой «низов».

Культурная революция: единство материальной и духовной культур

Термин «культурная революция» был введён в политический лексикон В.И. Лениным в 1923 г., когда стало понятно, что, хотя Октябрьский переворот 1917 г. привёл к изменению политического строя, строительство социализма ещё только начинается, а для построения социализма необходимы кардинальные изменения всей жизни общества. Совокупность всех необходимых изменений Ленин и попытался выразить единым термином «культурная революция», которую в плане преобразования общественных отношений он связывал с «кооперированием».

За прошедшие годы термины «культурная революция» и «кооперирование» оторвались от своей исходной основы, так что у современного читателя, скорее всего, вызовет недоумение попытка увязать их между собой. Причиной недоумения является современная зауженная трактовка «культурной революции», из-за которой в обыденном сознании она как бы вырывается из своего социального контекста, из всей системы общественных связей и соотносится только с образованием и наукой. Вернёмся, однако, к Ленину, который эту связь фиксирует: «...Нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько «цивилиз-

ванном», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило его... Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [3; с. 430].

В приведённом высказывании обращают на себя внимание два обстоятельства:

– то, что Ленин связывает «цивилизированность» не только с высокой степенью культуры в смысле грамотности, но и с развитой системой общественных связей, с новой социальной общностью в противовес единоличному или натуральному хозяйствованию;

– и то, что речь идёт о полном перевороте в жизни всей массы населения.

Это положение Ленин развивает и дальше, показывая, что культурная революция является необходимой частью социалистической революции. «При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции» [3; с. 434-435]. Получается, что изначально под «кооперированием» понималось не формальное объединение людей под вывеской какого-то предприятия или учреждения, тем более не насильственное сведение крестьян в колхозы. А такая перестройка общественных отношений, в которой выявились бы преимущества совместного труда и для которой в то же время требовался более высокий уровень «толковости» (по выражению Ленина).

Трудности на этом пути Ленин определяет следующим образом: «...Для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база» [3; с. 435].

Подчёркнутая Лениным связь между духовной культурой и её материальной основой представляется особенно важной в наше время, в свете реформ, проводившихся в России в 90-е гг. XX века. Реформаторы охотно критиковали советских руководителей, включая Ленина, за то, что тем не удалось реализовать свои замыслы, или, если и удалось, то не так, как задумывалось, зато проигнорировали высказанное Лениным положение о культурной революции как о единой системе преобразований в области и духовной, и материальной культур. Причём Ленин представил свои соображения как руководство к практическому действию, а не как теоретическую конструкцию. На более подробную теоретическую проработку у него явно не хватало времени. Если Ленин оказался неправ, отдавая предпочтение практике, кто мешал российским реформаторам восполнить образовавшийся пробел и предложить свои теоретические соображения по поводу грядущих общественных преобразований? Вместо этого реформаторы заявили, что Россию надо вернуть в «цивилизацию», допустив частную собственность на средства производства и вернувшись к рыночной экономике. Вопрос о политических изменениях в данном случае затрагивать не будем, хотя понятно, что одно без другого не бывает.

Что же получилось с нашим «возвращением в цивилизацию»? Получилась деиндустриализация страны, разрушение с таким трудом созданной материально-технической основы современного общества. То есть трактовка «цивилизированности», использованная реформаторами, оказалась противоположной той, которую предложил Ленин. Результат не заставил себя долго ждать: как по цепочке, начали закрываться предприятия, за чем следовал распад трудовых коллективов, рушились объединявшие их социальные связи («кооперация»), люди выпадали из системы общественных отношений и атомизировались, поневоле замыкаясь на вопросах выживания. Культура производства, которая и в советское время была не на должном уровне, разруши-

лась окончательно. Вместе с ней начала распадаться и духовная культура:

- снижается уровень образования, даже элементарной грамотности, значительной части населения из-за невосребованности грамотных специалистов;

- укрепляет свои позиции бездуховная массовая культура с её ориентацией на развлекательность.

В противовес возобладавшем в период реформ «вещизму» и погоней за богатством любой ценой, многие стали склоняться к противоположной крайности, подчёркивая преимущества духовной культуры перед материальной до такой степени, что призывали не придавать значения материальным благам. Зачастую этот крен сопровождался неоправданным отождествлением духовности с религиозностью.

В действительности обе позиции ущербны, так как изначально подразумевается, что одной из сторон надо отдать предпочтение. Куда разумнее осознать их взаимозависимость. Представление Ленина выглядит гораздо веселее, поскольку построено с опорой на диалектику. Глядя на «пореформенную Россию», трудно отделаться от мысли, насколько Ленин был прав, увязав в единый комплекс «культурной революции» преобразования всех сторон общественной жизни. Конечно, реализовать «культурную революцию» в ленинской трактовке гораздо труднее, чем поддаться обаянию потребительской идеологии. Но ведь тогда, в 20-е гг. XX в., ставилась задача построить более справедливый мир, а не просто мир, изобилующий товарами. Более высокий идеал предполагает и более высокий уровень осмысления. Здесь не обойдёшься без целостного взгляда на общественное развитие и без учёта его противоречивости.

Боюсь, что сегодня нам необходима новая культурная революция, если мы хотим сохранить Россию как суверенную державу. Опять перед нами встаёт задача перестройки систем образования и науки в соответствии с потребностями общественного развития; заново надо создавать материально-техническую

базу, необходимую для обеспечения независимого развития страны, однако не как набор станков или оборудования, пусть даже высокотехнологичного, а как хозяйственную систему, опирающуюся на соответствующую культуру производства; придётся опять выстраивать систему общественных связей, способных сплотить население страны, причём для их поддержания надо, наконец, обратить внимание на культуру быта, на обеспечение людей бытовыми условиями, необходимыми для их нормального воспроизводства.

Культурная революция как основа межнационального единства народов России

Для многонациональной и многоконфессиональной России национальный вопрос всегда имел важнейшее значение. На первый план традиционно выходили политико-правовые аспекты, такие как равноправие наций, право наций на самоопределение, право на использование национального языка и прочие демократические требования. Эта сторона вопроса основательно освещена в литературе. В данном случае остановимся на такой его стороне, которая реже попадает в поле зрения исследователей. Я имею в виду вопрос о том, как повлияла (или должна была повлиять) культурная революция на отношения между народами, населяющими Россию.

На первый взгляд, может показаться, что термин «межкультурное взаимодействие», широко используемый сегодня, уже раскрывает суть дела, поскольку именно такое взаимодействие – межкультурное – закладывалось в ходе культурной революции. В действительности же это выражение не совсем корректно для того времени, а сложившееся на сегодня положение вещей мы невольно выдаём за всегда существовавшее. Сразу после Октябрьской революции 1917 г. руководству страны пришлось столкнуться с тем, что многие народы России не имели ещё достаточно развитой национальной культуры, способной взаимодействовать

с другими культурами. Больше того, оторванные от мировой культуры и замкнутые на свои ограниченные интересы, носители таких культур не испытывали потребности во взаимодействии с другими народами, представлявшими другие культуры.

Сегодня можно столкнуться с сомнением по поводу того, надо ли было что-то менять в жизни этих народов или следовало предоставить всё «естественному ходу вещей». Кому-то даже кажется, что второй вариант является воплощением подлинного демократизма. Это поверхностное суждение. В нём упущено самое существенное: демократические требования должны вызреть *внутри* данного общественного образования прежде, чем они будут осознаны и воплощены в жизнь. Демократия – продукт определённого культурного развития и несёт на себе историческую печать. В разных культурно-исторических условиях она трактуется по-разному, а в некоторых случаях может не соответствовать мировоззренческим установкам населения и его культурным традициям.

Достаточно сказать, что, с точки зрения нынешней американской политологии, демократия Древней Греции была «неправильной», поскольку не соответствует американским критериям. Тем более все прочие политические режимы третируются Соединёнными Штатами за их «недемократичность» безотносительно к тому, насколько они соответствуют внутренним потребностям своих стран. Сказанное означает, что для того, чтобы воспользоваться, скажем, правом на самоопределение, народ уже должен обладать определённым уровнем культуры. В противном случае найдутся демагоги, прикрывающие демократической риторикой достижение своекорыстных интересов. То есть вместо национальной культуры будет развиваться местный национализм.

Со всеми трудностями такого рода пришлось столкнуться руководителям Советского государства и сразу после Октябрьской революции, но особенно в период НЭПа. Выход из затруднитель-

ного положения они видели в единстве преобразований как материальной, так и духовной культур. Применительно к национальным окраинам это означало:

- и создание материально-технической базы на местах (индустриализация);
- и кооперирование крестьян и кулаков для включения их в единую хозяйственную систему;
- и охват всей страны едиными системами электроснабжения и радиовещания;
- и создание сети школ и профессиональных училищ на национальных языках.

Другими словами, предусматривался целый комплекс мер по одновременному развитию национальных культур и их включению в общую систему общественных отношений в будущем Союзе ССР. Причём развивать национальные культуры предполагалось путём втягивания их в развитие единой для всего союза системы культуры.

Выступая на XV съезде ВКП(б) с политическим отчётом Центрального Комитета, И.В. Сталин сослался на ленинский лозунг «культурной революции», подчеркнув важность его расширенного толкования. В частности, коснувшись вопроса о борьбе с бюрократизмом, он напомнил о том, что Ленин связывал повышение культурного уровня трудящихся не только с увеличением грамотности, но также с желанием и умением участвовать в управлении страной, со способностью контролировать государственный аппарат. В этой связи важнейшее значение придавалось вовлечению трудящихся национальных окраин в управление страной, для чего предусматривалось приблизить местные советы к населению, сделать их подлинно национальными. Но «национальные» не значит «националистические». Руководство СССР не только осознавало эту опасность, но и реально сталкивалось с ней. Её преодоление связывалось с комплексной реализацией культурной революции, в ходе которой меняется содержание культуры, а вместе с тем и весь образ жизни народа. Закладывалась основа того, что впо-

следствии стало называться культурами «национальными по форме, социалистическими по содержанию».

Сегодня, знакомясь с тем, как осуществлялась культурная революция не только в центральной части России, но и в крайних частях СССР, может показаться, что проект был утопическим и поэтому не состоялся. Думаю, что такое представление не оправдано. Опыт Великой Отечественной войны показал, что наша сила в единстве. Мы выстояли потому, что представляли собой единый советский народ, хотя составляли его разные народы – носители разных культурных традиций. Однако межкультурное взаимодействие достигло достаточного уровня для того, чтобы действовать совместно, поддерживая друг друга. Конечно, это взаимодействие было далеко от совершенства. Но оно было! Советский народ реально заявил о себе, что было признано мировым сообществом.

В этой связи не могу согласиться с теми, кто проводит параллели между эвакуацией населения из западных частей Советского Союза в республики Средней Азии в период Великой Отечественной войны с миграцией населения из стран Азии и Африки в Европу в наши дни. Подспудный смысл такой аналогии состоит в том, чтобы представить европейскую часть Советского Союза чем-то чуждым азиатским республикам СССР, а доброжелательность местного населения по отношению к эвакуированным объяснить исключительно положительными качествами, традиционно свойственными ему. Ни в коей мере не ставя под сомнение наличие у народов Средней Азии таких качеств, как доброта и гостеприимство, считаю нужным подчеркнуть, что эвакуированные в значительной мере были представителями одной культуры с местным населением:

- у них был язык общения – русский;
- они учились в однотипных школах (хотя, возможно, на разных языках);
- они работали на однотипных, а то и на одних и тех же предприятиях или в одних и тех же учреждениях;

- они жили по одним и тем же законам;
- они руководствовались одними и теми же политическими установками;
- у них был один и тот же враг – германский фашизм.

Иначе говоря, основы единой советской культуры были заложены, что положительно сказалось и на том, что эвакуированных, особенно детей, местные жители принимали как своих, и на том, что сами эвакуированные без особых проблем осваивали новые условия существования, включаясь в работу как эвакуированных, так и местных предприятий и учреждений. В результате приезжие специалисты внесли свой вклад в развитие республик, оказавших им гостеприимство, причём в развитие не только промышленности и сельского хозяйства, но и национальной культуры.

Развал Советского Союза привёл к разрыву сложившихся было отношений между республиками бывшего СССР, а вместе с ними и к распаду единой некогда советской культуры. Кто от этого выиграл? Конечно, националистически настроенные элементы, получившие большую власть, чем они располагали до тех пор, а то и всю полноту власти. А власть – это собственность. Что же касается основной массы населения бывших республик СССР, разрушение общей системы хозяйственных и культурных связей сказалось на ней отрицательно. Все республики, включая Российскую Федерацию, оказались отброшены назад, к временам начала культурной революции.

В ряде бывших республик СССР раздаются голоса о том, что они наконец-то вернулись к традиционной культуре, пострадавшей в советские времена. Так ли это? Ответ зависит от того, что называть «традицией». Мне довелось посмотреть документальный фильм, снятый в Таджикистане каким-то западным путешественником, кажется, американцем. Автор с удовольствием отмечает то, что страна вернулась к своим культурным традициям. Так, там традиционно была в почёте торговля на базаре, что в со-

ветские времена, однако, не поощрялось. И вот теперь, – умиляется автор, – традиция восстановлена в полной мере: на базаре свободно торгуют все, включая подростков. Правда, замечает автор, они пропускают школу, а то и не ходят в неё вообще, но, что поделаешь, традиция дороже.

Если понимать под традицией простое возвращение к пережиткам прошлого, то такие «традиции» действительно расцвели пышным цветом после крушения системы общественных отношений более высокого порядка. Но правомерно ли сводить «традиции» к «пережиткам»? Ведь слово «традиция» выражает устойчивое в изменчивом, то есть указывает на содержание, которое продолжает воспроизводиться во всё новых формах. Значима та традиция, которая не только не препятствует, а, наоборот, помогает возникновению нового без отрыва от исторической основы. Именно такое понимание традиционности закладывалось в советскую культуру.

От него отказались в пользу возврата к прошлому. Поскольку, однако, свято место пусто не бывает, национальные культуры попали в сферу влияния каких-то более мощных образований, связанных с капиталистической массовой культурой. Сказалась экономическая мощь капиталистического мира и привлекательность свойственной ему идеологии потребительства. Ещё на XII съезде РКП(б) в 1923 г. Сталин говорил о том, что развитие промышленности в условиях НЭПа связано с усилением позиций частного капитала, что, в свою очередь, порождает национализм как в центре (он называет его «великорусским шовинизмом»), так и на местах («местный шовинизм»). Эта тенденция даёт о себе знать и в наше время. И не нашлось силы, способной ей помешать. В результате межнациональное взаимодействие приходится выстраивать заново. Ведь соседи по планете никуда не денутся, и отношения с ними приходится поддерживать. На какой основе? Культурная разрушена, осталась товарно-денежная. Бывшие соотечественники стали продавцами и

покупателями. Будем утешать себя тем, что в торговых отношениях тоже может присутствовать культурный элемент. Не маловато ли для межкультурного взаимодействия?

Культурная революция: для неграмотных низов или для всего общества?

Если считать, что задача культурной революции – обеспечить всему населению страны определённый уровень образования, получится, что она предназначена для малограмотных или вовсе неграмотных слоёв общества и совершенно не касается образованной его части, особенно интеллигенции. Суть культурной революции сведётся к тому, чтобы подтянуть малограмотных людей до уровня образованных – вот и всё! Но стоит ли в таком случае говорить о революции? Не разумнее ли было бы определить задачу как необходимость повысить образовательный уровень населения до уровня интеллигенции? Тогда снимается напряжённость в отношениях между образованными сословиями и полуграмотной или неграмотной массой. Больше того, отпадёт представление о наличии в дореволюционной России двух культур: культуры господствующих классов («буржуазной», по выражению Ленина) и культуры простонародья, содержащей в себе «элементы демократической и социалистической культуры» [2, с. 8]. Может быть, признание разрыва между культурами – результат увлечения Ленина идеей классовой борьбы и больше никто никакого разрыва между культурами не отмечал?

Обратимся к сборнику статей о русской интеллигенции «Вехи», вышедшем в 1909 году, то есть за несколько лет до Октябрьской революции. Авторы сборника совершенно не были склонны к классовому подходу, характерному для Ленина, что не помешало им показать, сколь велик разрыв между интеллигенцией и основной массой населения России. Причём, если Ленин делал акцент на эксплуататорскую сущность буржуазной

культуры, на отношения господства и подчинения, проявляющиеся в отношении между двумя культурами внутри одного народа, то авторы «Вех» занимались особенностями сознания и самосознания российской интеллигенции, определяющими её отношение к миру. И что же обнаруживается?

Один из авторов «Вех», М.О. Гершензон, утверждает, что хотя противостояние богатых и бедных, как ему представляется, есть всегда и везде, оно существенно различается в России и на Западе. На Западе – утверждает он – нет глубокого качественного различия между строем душевной жизни, набором идей и представлений буржуа, с одной стороны, и простолюдином – с другой. Различия их душевного багажа скорее количественные. В России всё совсем не так. «Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него – не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз; он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. *Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной» [1; с. 89-90].

Читая сегодня эти строки, испытываешь сложные чувства. С одной стороны, нет оснований принимать слова автора за чистую монету, тем более переносить трагическое мироощущение автора на другие времена, вплоть до сегодняшнего. С другой стороны, если признать хотя бы частичную правоту автора, многое проясняется в последующих исторических событиях. Так, становится понятным остервенение противоборствующих сторон в Гражданскую войну. Причём Гершензон не отрицает того, что классовое противостояние между имущими и неимущими имеет место. Просто он подчёркивает, что в России противостояние

«верхов» и «низов» не ограничивается противоположностями богатства и бедности, как на Западе. У нас оно опирается на различия духовной организации разных слоёв российского общества.

Здесь-то и начинается самое интересное. Интеллигенция традиционно противопоставляла себя царской администрации, считая себя духовно свободным сословием. Гершензон же показывает, что она не только практически зависит от органов государственной власти, защищающей её «от ярости народной», но и принадлежит господствующему классу по своему душевному складу, по набору идей и представлений. Вот как характеризует Гершензон представления интеллигенции о народе: «Мы были твёрдо уверены, что народ разнится от нас только степенью образованности и что, если бы не препятствия, которые ставит власть, мы бы давно уже перелили в него наше знание и стали бы единой плотью с ним; что народная душа *качественно* другая – это нам и на ум не приходило» [1; с. 86]. Но если уж интеллигенции этого «на ум не приходило», то кому же могло и должно было прийти? Нельзя же ожидать от малограмотной массы населения углублённой саморефлексии. В том-то, видимо, и состоит миссия интеллигенции, чтобы осмысливать не только и не столько собственные умонастроения и интересы, сколько общенародные.

Справлялась ли с этой задачей интеллигенция того времени и справляется ли сегодня? Авторы «Вех» показали, что не справлялась в силу внутреннего разлада, сопоставимого с распадом личности. Жизнь интеллигенции они характеризуют такими чертами, какими мы не привыкли её наделять: «А в целом интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения: ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внешнем; ...праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности, перед властью –

то гордый вызов, то покладливость – не коллективная, я не о ней говорю, – а личная» [1; с. 82].

Охарактеризовав таким образом жизнь интеллигенции, Гершензон подкрепляет свои наблюдения ссылкой на одно из писем А.П.Чехова, в котором содержится сходная характеристика интеллигенции, но – что ещё интереснее современному читателю, – упоминаются проблемы, до боли похожие на нынешние. «Пока это ещё студенты и курсистки – это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России. Но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым. И остаются на фильтре одни доктора – дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры... Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр» [4, с. 273-274].

Разве не современно звучит мысль о том, что молодые люди получают высшее образование, чтобы приобщиться к вершинам духовной культуры, а становятся «дачевладельцами» или – что более современно – собственниками престижных иномарок, «несытыми чиновниками», по выражению Чехова (мы бы, наверное, назвали их «ненасытными»), казнокрадами и взяточниками. Давайте вспомним самые громкие дела о коррупции и увидим, что фигурантами их были люди с высшим образованием (и даже не с одним), а то и с учёными степенями и званиями. Да все высшие чиновники сегодня вправе претендовать на принадлежность к интеллигенции, по крайней мере, по формальным признакам. А кто возьмётся отличить их по неформальным?

Кстати, Гершензон, комментируя письмо Чехова, высказал замечательную фразу, которую следовало бы взять, в силу её актуальности, на заметку исследователям российского чиновничества: «Последние слова Чехова содержат в себе

верный намёк: русская бюрократия есть в значительной мере плоть от плоти русской интеллигенции» [1; с. 83]. Многие представители сегодняшней интеллигенции не согласятся с такой характеристикой их самих, хотя могут допустить, что раньше действительно так и было. Правильнее, наверное, было бы сказать, что не вся интеллигенция такова. Впрочем, то же самое можно было сказать и о дореволюционных временах.

Ведь были же авторы «Вех», занимавшиеся по сути самокритикой, а значит, возвышавшиеся над ими же описанными пороками просвещённой части общества. Тем не менее, не стоит себя этим утешать. Важнее то, что вскрытые авторами пороки и тогда носили массовый характер, и теперь, похоже, не сдают своих позиций. Причиной их устойчивости авторы «Вех» считают внутреннюю противоречивость большей части интеллигенции. Так, один из авторов сборника, С.Н. Булгаков, отмечает: «Крайне непопулярны среди интеллигенции понятия *личной* нравственности, *личного* самоусовершенствования, выработки *личности*... Хотя интеллигентское мироотношение представляет собой крайнее самоутверждение личности, её самообожествление, но в своих теориях интеллигенция нещадно гонит эту самую личность, сводя её иногда без остатка на влияния среды и стихийных сил истории (согласно общему учению просветительства)» [1; с. 53].

Отмеченное автором противоречивое сочетание, с одной стороны, абсолютизации личности и личной свободы, с другой – «непопулярности» работы над собой и личной ответственности за происходящее выливается в парадокс, привлёкший внимание и других авторов «Вех», в частности Гершензона. «За всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни вину несло самодержавие, – личность признавалась безответственной. Это была очень удобная вера, вполне отвечающая одной из неискоренимых черт человеческой природы – умственной и нравственной лени» [1; с. 94].

Не напоминает ли это высказывание привычное для нашего времени списы-

вание «всей грязи и неурядицы личной и общественной жизни» на культ личности Сталина? Многие представители интеллигенции, справедливо критикуя отрицательные стороны того периода, предпочитают не касаться вопроса о личной ответственности за происходящее. Например, осуждая практику доносительства, стараются не вспоминать о том, какова роль интеллигенции в её поддержании. И в этом вопросе мы опять встречаем переключку времён. Вспомним чеховского «человека в футляре», прославившегося не только своим чрезмерным педантизмом и сверхъестественной предусмотрительностью, но и доносами на своих коллег – ради общественного блага, разумеется.

Другими словами, безответственной признавалась личность самого пишущего, считавшего себя интеллигентом (борцом за правду), тогда как остальные обязаны были нести ответственность за отступления реальной жизни от того образца, который разрабатывал сам интеллигент. Вот в чём проявлялось то, что Гершензон определил как «склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности».

Получается, что культура господствующих слоёв российского общества, – культура, создаваемая и насаждаемая интеллигенцией, – нуждалась в культурной революции ничуть не меньше, чем культура малообразованных низов. Причём простое возвышение простонародья до уровня интеллигенции оказалось невозможным. Требовалась именно кардинальная перестройка духовной культуры в сочетании с преобразованиями в материальной сфере. Хотя интеллигенции принадлежала ведущая роль в осуществлении культурной революции, она могла справиться с поставленной задачей в случае основательной перестройки самой себя в единой преобразовательной деятельности вместе с основной массой трудящихся.

Судя по успехам, достигнутым советской наукой и системой образования, культурная революция состоялась, однако, очевидно, не получила полного

завершения. На некоторые нерешённые проблемы наслоились новые. Так, в ходе развития советской культуры прежняя несовместимость культур «верхов» и «низов» была более или менее сглажена. К сожалению, реформы 90-х гг. XX в. и в этом вопросе привели к отрицательным последствиям. Культуры «верхов» и «низов» опять стали заметно расходиться. Господствующие слои ориентируются на западную культуру, тогда как основная масса населения оказалась в сложном положении: система образования перестраивается под господствующую идеологию, вынуждая всех граждан ориентироваться соответствующим образом, тогда как они – граждане – лишены средств для получения образования западного типа. Впрочем, может, оно и к лучшему: включается реакция отторжения от западных образцов и попытка опереться на традиции национальной культуры. Однако основная задача тем самым не решается: разрыв между культурными ориентациями двух слоёв российского общества продолжает расширяться. Видимо, нужна новая культурная революция, охватывающая все стороны нашего бытия и все слои нашего общества. Но после революции 1917 г. культурная революция была необходима для осуществления идеи переустройства мира на более справедливый. А теперь для чего?

Не будет идеи – не будет культурной революции, а без неё и дальше мы обречены будем прозябать на задворках истории.

Выводы. Итак, культурная революция – явление многоплановое. Её необходимость выявилась после успешного политического переворота в октябре 1917 г., когда стало понятно, что для строительства социализма требуется полная перестройка всей жизни общества. Преобразования в духовной сфере требуют определённой материальной базы, каковая создаётся в ходе индустриализации. Для развития национальных культур необходима как материальная, так и духовная основа. Последняя обеспечивается становлением единой многонациональной культуры. Противостояние в России

двух культур – культуры «верхов» и культуры «низов» – сглаживалась в ходе советской культурной революции. Все эти достижения были отброшены реформа-

ми 1990-х гг. XX в. Сегодняшняя Россия нуждается в новой культурной революции.

Список литературы:

1. Вехи. Из глубины. М.: Издательство «Правда», 1991. 607 с.
2. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., Т. 20. М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1948. 571 с. – С. 1-34.
3. Ленин В.И. О кооперации. Соч., Т. 33. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 509 с. – С. 427-435.
4. Чехов А.П. Письмо № 533 И.И. Орлову от 22 февраля 1899 года. Собр. соч. в 12-и томах. Т.12. М.: издательство «Художественная литература», 1964. 783 с.– С. 272-274.

Об авторе:

Панфилова Татьяна Васильевна – д. филос. н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: panta@inbox.ru.

CULTURAL REVOLUTION: REFLECTIONS UPON THE PAST FOR THE FUTURE EDIFICATION

T.V. Panfilova

Abstracts. *The Cultural Revolution is usually associated with cardinal transformations of spiritual life of Russia such as wiping out illiteracy, introduction of compulsory primary and later secondary education, reorganization of secondary and higher schools. These innovations took place in Russia after the October Revolution of 1917. But the Cultural Revolution isn't reduced to them. It's multilateral. Three propositions on its role in the Soviet Society formation are chosen. First: interdependency between transformations in material and spiritual cultures during the Cultural Revolution. Second: an attempt to create the common multinational culture in Russia by means of the Cultural Revolution. Third: an attempt to eliminate the gap between two strata of Russian culture – the upper strata and the lower strata. Special attention is given to the place and the role of the intelligentsia in the Cultural Revolution. All these propositions haven't lost their significance after the Soviet Union disintegration. They are as urgent as before.*

Key words. *Cultural Revolution, material and spiritual cultures, common multinational culture, intelligentsia, the upper strata culture, the lower strata culture.*

References:

1. *Vehi. Iz glubiny* [Landmarks. From the depth]. Moscow: Izdatel'stvo «Pravda», 1991. 607 p. (In Russian).
2. Lenin V.I. *Kriticheskiye zametki po natsional'nomu voprosu. Soch., T. 20* [Critical remarks on the national problem. Collected works, V. 20]. Moscow: OGIZ Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1948. 571 p. – P. 1-34 (In Russian).
3. Lenin V.I. *O kooperatsii. Soch., T. 33*. [On cooperation. Collected works, V. 33]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1950. 509 p. – P. 427-435 (In Russian).

4. Chehov A.P. *Pis'mo No 533 I.I.Orlovu ot 22 fevralya 1899. Sobr. soch. v 12-i tomah. T. 12.* [Letter No 533 to I.I.Orlov of 22 February 1899. Collected works, V. 12]. Moscow: izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1964. 783 p. P. 272-274 (In Russian).

About the Author:

Tatiana V. Panfilova – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophical Department, MGIMO University. Russia, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76. E-mail: panta@inbox.ru.